

Это определение становится у поэта показателем того духовного перелома, который происходил у него на глазах:

Какой-то
 смущённый
 сукин сын,
а над ним
 путиловец –
 нежней папаши:
«Ты,
 парнишка,
 выкладывай
 ворованные часы –
часы
 теперича
 наши!»

Говоря о Маяковском, с грустью констатируешь, что мы сегодня словно уходим от него. Но ещё большую горечь, как и прежде, испытываешь от сознания того факта, который имел место 14 апреля 1930 года: нет, не мы уходим сегодня от поэта, это он ушёл от нас тогда, ушёл к нашим далёким потомкам, ушёл, подобно Радищеву, спасаясь от «рвачей и выжиг». Ушёл, как ушли восьмидесятилетний старец Лев Толстой и его духовный предтеча, обречённый на вечную молодость Лермонтов. И никакие журналистские расследования не в состоянии поколебать той горькой в своей простоте истины, что «такие люди», опережая нас в своём духовном развитии, не могут, как Блок, выжить в удушливой атмосфере мелочных интересов и стяжательства. Чтобы вернуться

в русло литературного контекста, отсылаю читателя к самому, на мой взгляд, грустному произведению русской классики – рассказу Лескова «Инженеры-бессребренники», с которым перекликаются строки поэтического завещания юбиляра:

Мне
 и рубля
 не накопили строчки,
краснодеревщики
 не слали мебель на дом.
И кроме
 свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
 мне ничего не надо.

Мы, конечно же, не обманываемся насчёт этого видимого аскетизма. У «таких людей» просто иная – по Эпикуру – шкала жизненных ценностей. Доводя до логического заключения принцип создания литературного контекста, на основе которого только и возможен «конструктивный», как мы сегодня выражаемся, разговор о поэте, привожу в подтверждение вышеобозначенного суждения стихотворение Велимира Хлебникова:

Мне мало надо!
Краяшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака!

Вячеслав ЕЛАТОВ,
г. Прокопьевск

